
ПРАВОВОЙ ОПЫТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В ЗАРУБЕЖНОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМАХ ПРАВА

УДК 343.9.01
ББК 67.518.0

С.В. Богданов
*доктор исторических наук, профессор,
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет*

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ДЕТЕРМИНАЦИИ НАСИЛЬСТВЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИИ

Статья посвящена исследованию правового опыта насильственной преступности в России. Ретроспективный анализ насильственной преступности раскрыт на примере юридических фактов смертности (от убийств и самоубийств) в Санкт-Петербурге во второй половине XIX столетия. Показаны детерминанты насильственной преступности, отражены последствия масштабных реформ в экономической, социальной и правовой сферах жизнедеятельности российского общества. Показано, что одним из следствий модернизационных процессов явился значительный рост смертности от насильственных причин. Рассмотрена динамика самоубийств в 1861–1899 гг., выявлены основные тенденции. Проведен сравнительно-правовой анализ фактов насильственной преступности с учетом территориального фактора. Приведены данные статистики о насильственной смертности. Раскрыта проблема недоучета официальной полицейской статистикой случаев насильственной смертности. Содержатся статистические показатели смертности от невыясненных судебно-медицинской экспертизой причин. Предлагается авторское видение реальных масштабов насильственной смертности в Российской империи в пореформенный период.

Ключевые слова: преступность; насильственная преступность; детерминанты насильственной преступности; насильственная смертность; противодействие насильственной преступности.

S.V. Bogdanov
*Doctor of Historical sciences, Professor,
National Research University Belgorod State University*

COMPARATIVE AND LEGAL ANALYSIS OF VIOLENT CRIME DETERMINATION IN RUSSIA

The article is devoted to Russian violent crime legal experience research. Retrospective analysis of violent crime is revealed by the example of legal facts of death (caused by murder or suicide) in Saint-Petersburg in the 2nd half of the XIX Century. The article represents violent crime determinants, reveals consequences of massive reforms in economic, social and legal spheres of Russian society life. The author states that one of results of modernization processes is significant violent death-rate rise. The author studies suicides dynamics in 1861–1899, discovers main tendencies. The article presents Comparative and legal analysis of violent crime factors, considering regional factor. The author shows statistical data on violent death-rate, reveals the problem of official police statistic's underestimation of violent death. The paper includes statistical data on death-rate with unknown cause. The author suggests personal opinion on real scale of violent death-rate in post-reform Russian Empire.

Key words: crime; violent crime; violent crime determinants; death-rate through violence; violent crime counteraction.

Сложившаяся в последние десятилетия чрезвычайно тревожная ситуация со смертностью населения от самоубийств в России вынуждает исследователей все чаще направлять свои взоры не только в день сегодняшний, но и в прошлое. Данный подход позволяет рассмотреть это явление в историко-правовой ретроспективе, выявить детерминанты и факторы, способствовавшие усилению суицидальной активности населения России в условиях масштабных социальных изменений, явившихся закономерным следствием падения крепостного права и либерализации общественно-политической жизни страны. Не случайно хронологическими рамками исследования выбрана вторая половина XIX столетия.

Интерес именно к этому временному отрезку обусловлен целым рядом обстоятельств. Социальное развитие страны на протяжении всего пореформенного периода характеризовалось дальнейшим усложнением и ростом противоречий. Фактически в одночасье многомиллионная масса крестьянства приобрела свободу, резко интенсифицировались миграционные потоки, рост городского населения стал постоянно действующим фактором российской действительности. Шла ускоренная перестройка государственного аппарата, создание новых учреждений и ведомств. Страна получила новую судебную систему. Изменения охватили практически все сферы жизнедеятельности страны. Пореформенное развитие России характеризовалось весьма эклектичным соединением противоречивых тенденций: свобода шла рядом с вседозволенностью, созидание – рядом с разрушением. Не случайно одной из характерных черт общественной жизни страны на протяжении всей второй половины XIX в. стало широкое нарастание аномии. Это явление выразилось не только в отрицании существовавших норм права, но и в неприятии общественной морали и этических установок, что у отдельных людей нашло свое выражение в крайней форме индивидуальной деструкции – самоубийстве.

Данные обстоятельства обусловили необходимость анализа феномена самоубийств в столице Российской империи – Санкт-Петербурге – в условиях крупномасштабных социальных и экономических преобразований, последовавших с начала 1860-х гг. Падение крепостного права и последовавшие за этим реформы практически во всех сферах жизни российского общества не могли не вы-

звать научного и публицистического интереса к проблеме самоубийств. Как писал один из довольно популярных журналистов этого периода К. Лизин на страницах либерального журнала «Дело», «теперь самоубийство сделалось какой-то эпидемической болезнью, и притом болезнью хронической, которая вырывает тысячи жертв из среды населения решительно всех цивилизованных стран Европы. Так говорит статистика, это же может сказать всякий, кто следит за городской хроникой» [11, с. 285].

В то же время еще три-четыре десятилетия назад проблема самоубийств хотя и не была вовсе запрещенной, но все же относилась к нежелательным. Это, конечно, не значило, что цензоры категорически не допускали к печати книги или статьи, в которых в той или иной мере затрагивалась эта грань моральной статистики. Тем не менее перечень публикаций, посвященных вопросам самоубийства в России, увидевших свет в первой половине XIX столетия, оказался незначительным. Одним из первых в этом списке был доклад действительного члена Императорской Академии наук Ч.-Т. Германа «Изыскания о числах убийств и самоубийств в России в 1819–1820 годах», который был им озвучен в 1823 г. [21]. В рамках рассматриваемой проблемы автор анализирует ситуацию с насильственной смертью в губерниях центральной части страны. Санкт-Петербург упоминается три раза. Однако тематика, затронутая в докладе, вызвала крайне негативную реакцию в правящих кругах. Поэтому изучение данных негативных явлений российскими учеными не встретило ни понимания, ни поощрения со стороны государственной бюрократии.

В 1830-х гг. в некоторых географических, экономико-статистических описаниях появляются отдельные параграфы, специально посвященные различным негативным чертам «народной нравственности» – пьянству, преступности, самоубийствам. Отличительной особенностью данных работ явилась довольно упрощенная трактовка причин самоубийств среди населения столицы Российской империи в этот период. Так, например, И. Пушкарев в своем «Описании Санкт-Петербурга и уездных городов Санкт-Петербургской губернии» не видел в самоубийстве серьезной проблемы для государства и нации: «Вообще же насильственные лишения жизни и самоубийства совершаются в Петербурге наиболее простолюдными, и в незначительном числе сравнительно с дру-

гими столицами Европы; вернейшее доказательство истины, что понятия религиозные сохраняются у нас во всем благотворном своем могуществе» [17, с. 58].

В 1847 г. вышла небольшая по объему, но очень емкая по содержанию книга К.С. Веселовского «Опыты нравственной статистики России» [3]. Ценность данного исследования заключалась в том, что в нем впервые были поставлены проблемы недоучета насильственной смертности в России, содержалась богатейшая статистика самоубийств в губерниях страны, а также предпринималась попытка выявления совокупности факторов, толкающих людей к самоистреблению. Таким образом, отечественная литература первой половины XIX столетия, посвященная самоубийствам, не отличается обилием и многообразием рассматриваемых проблем.

С начала 1860-х гг. проблематика самоубийств в России все чаще становится предметом научных исследований. Данные работы насыщаются разнообразной статистикой, в них присутствуют попытки представить социологические, психологические причины самоубийств. Наиболее заметными явились труды А.В. Лихачева [13], П.Ф. Булацеля [2]. Что касается изучения самоубийств в Санкт-Петербурге, то интерес вызывают научные изыскания Ю. Гюбнера [7], П. Загорского [10], И. Пастернацкого [16], А.А. Липского [12], С.А. Белякова [1], Ф.К. Тереховко [20].

Предваряя изучение особенностей суицидального поведения жителей Петербурга во второй половине XIX столетия, остановимся на отдельных статистических показателях самоубийств в столице Российской империи накануне и в первые годы после отмены крепостного права (1858–1862 гг.). Итак, в 1858 г. в Петербурге от данного вида насильственной смерти погибло 66 человек (10,3 % от общего количества погибших насильственной и внезапной смертью), в 1859 г. – 55 человек (10,3 %), в 1860 г. – 62 человека (12 %), в 1861 г. – 42 человека (6,8 %), в 1862 г. – 59 человек (8,7 %) [4, с. 75]. В среднем за год в расчете на 100 тыс. человек от самоубийств в столице империи погибало 5 человек. Таким образом, внутри данного непродолжительного временного отрезка видно, что на год общественного перелома – 1861-й – выпадают самые низкие показатели количества погибших от самоубийств.

Развитие ситуации в последующие десятилетия показало, что самоубийство прочно

вошло в жизнь крупных городов европейской части страны. Увеличение количества погибших в результате насильственных и внезапных смертей вынудило МВД России приступить к сбору и публикации статистических сведений по данным видам смертности населения в стране [18]. В 1897 г. из печати вышло очередное издание Центрального статистического комитета МВД (далее – ЦСК МВД) – Временник «Умершие насильственно и внезапно в Российской империи в 1888–1893 гг.» [5]. В сравнении с двумя предшествующими статистическими сборниками, посвященными насильственным и внезапным смертям в России, это издание содержало сведения о насильственных и внезапных смертях по десяти главнейшим городам Европейской России за период с 1870 по 1894 г.

Видный российский криминолог конца XIX – начала XX столетия Е.Н. Тарновский так оценивал особенности распространения самоубийств в крупных городах Западной Европы и России: «В городах, в особенности в больших, самоубийство развито в колоссальных размерах. В Берлине свыше 300 самоубийств на 1 000 000 жителей, а в провинциях Пруссии только 150, в Париже и Вене свыше 400, в Петербурге около 200, тогда как в России только 30. Вообще самоубийство в русских городах относительно в три раза чаще, чем в сельском населении» [19, с. 148]. Рассмотрим подробнее, как развивалась ситуация с самоубийствами в Петербурге и в отдельных наиболее крупных городах европейской части России в 1870–1894 гг. (табл. 1).

Исследование динамики смертности населения наиболее крупных городов европейской части страны в результате самоубийств за 1870–1894 гг. позволяет выявить некоторые особенности. Так, по абсолютным показателям наибольшее количество самоубийств было зафиксировано полицейской статистикой в Санкт-Петербурге, Москве и Одессе. Наибольшая доля погибших от самоубийств в общем количестве погибших в результате насильственной смерти оказалась в Риге (87,3 %), Москве (84,7 %), Петербурге (84,5 %). Статистика самоубийств в крупнейших городах Европейской России за два с половиной пореформенных десятилетия свидетельствует о неуклонном увеличении среднегодовых показателей числа умерших от самоубийств во всех наиболее крупных городах европейской части страны. Как видим, среднегодовые темпы изменения

числа погибших от самоубийств в Петербурге имели тенденцию к постоянному увеличению. Так, к середине 1890-х гг. они увеличились у мужчин в 2,4 раза, у женщин – в 3,7 раза.

Анализ статистики самоубийств в столице Российской империи наталкивается на определенную сложность – расхождение показателей, представленных в различных документах. Согласно подсчетам ЦСК МВД, за 1870–1893 гг. (сведения о количестве самоубийств в отчетах МВД за 1875 г. отсутствуют)

в столице государства от самоубийств погибло 2 869 человек. В то же время, согласно Всеподданнейшим отчетам Санкт-Петербургского градоначальника за 1873–1893 гг. (без сведений за 1880 и 1881 гг. – отчеты не составлялись), количество самоубийств в городе существенно разнится – 2 505 случаев. На рисунке графически представлено погодное сравнение сведений о самоубийствах в Петербурге по данным ЦСК МВД и столичного градоначальника [5, с. 76; 6; 15].

Таблица 1

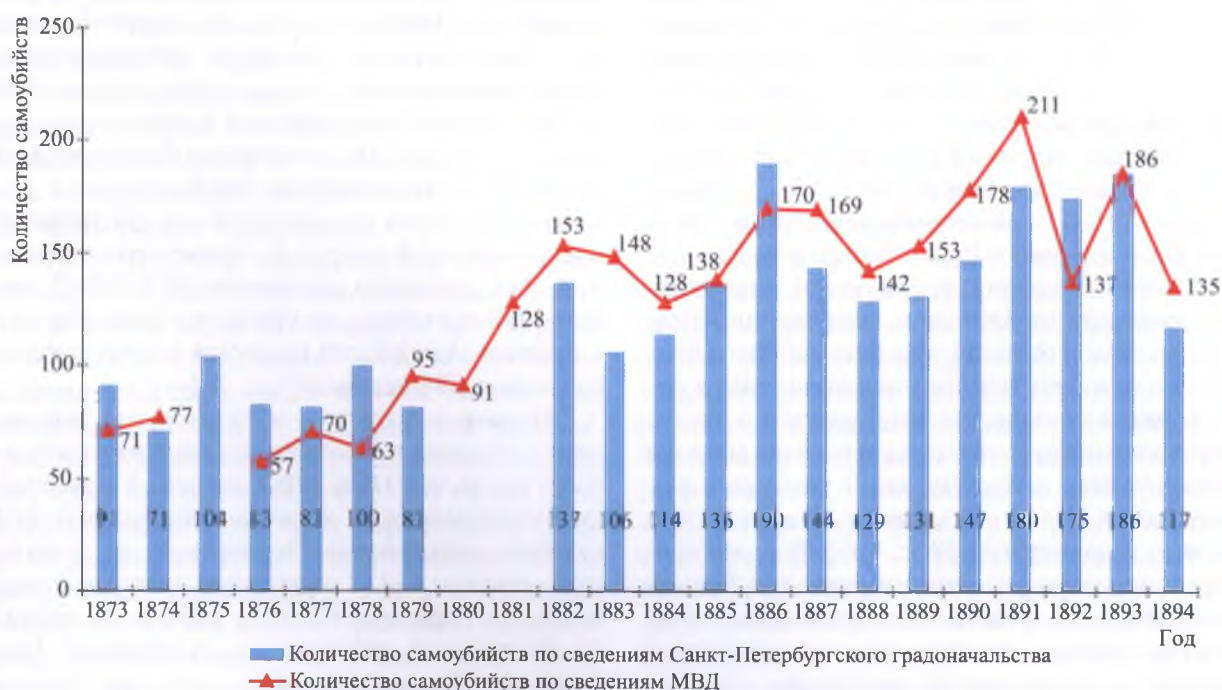
Среднегодовые темпы роста числа самоубийств в крупнейших городах Европейской России в 1870–1894 гг.

Город	Число погибших от самоубийств в среднем за год, чел.									
	1870–1874		1875–1879		1880–1884		1885–1889		1890–1894	
	Мужчин	Женщин	Мужчин	Женщин	Мужчин	Женщин	Мужчин	Женщин	Мужчин	Женщин
Санкт-Петербург	54,2	10,0	60,2	11,8	105,2	24,2	123,0	31,4	131,2	37,0
Москва	38,8	6,4	44,6	7,6	67,8	14,4	73,8	12,8	67,4	16,0
Нижний Новгород	3,0	0,2	5,4	1,2	5,2	2,0	9,4	0,8	7,6	1,6
Казань	3,8	0,2	6,8	1,6	9,0	4,2	16,4	9,8	13,4	8,6
Саратов*	3,0	1,0	7,0	0,8	7,4	1,4	10,6	6,4	8,8	3,0
Харьков	5,6	1,4	8,2	5,6	16,2	9,2	19,1	8,0	11,6	9,4
Киев	4,2	1,2	10,6	2,4	22,2	6,8	25,4	8,6	29,0	9,0
Одесса**	13,2	1,8	22,0	5,3	21,0	3,2	37,4	8,2	45,6	10,6
Рига***	9,2	2,0	13,4	1,8	19,8	4,4	19,0	5,0	28,8	7,8

* Сведения по Саратову за 22 года. Нет данных за 1870 и 1871 гг.

** Сведения по Одессе за 22 года. Нет данных за 1878 и 1881 гг.

*** Сведения по Риге за 23 года. Нет данных за 1870 г.

Количество самоубийств в Санкт-Петербурге по данным МВД и Санкт-Петербургского градоначальника в 1873–1894 гг.

Представляется интересным остановиться подробнее на распределении самоубийств в столице Российской империи по полу в пореформенные десятилетия (табл. 2).

Таблица 2

Распределение суицидентов по полу в Санкт-Петербурге в 1870–1894 гг., % от общего количества зарегистрированных самоубийств

Год	Процент от общего числа самоубийств		Год	Процент от общего числа самоубийств	
	Мужчин	Женщин		Мужчин	Женщин
1870	76,3	23,7	1883	81,0	19,0
1871	91,0	9,0	1884	79,6	20,4
1872	87,1	12,9	1885	76,0	24,0
1873	78,8	21,2	1886	75,8	24,2
1874	88,3	11,7	1887	84,0	16,0
1875	Нет данных	Нет данных	1888	82,3	17,7
1876	87,7	12,3	1889	79,7	20,3
1877	80,0	20,0	1890	72,4	17,6
1878	90,4	9,6	1891	82,9	17,1
1879	82,1	17,9	1892	81,7	18,3
1880	84,6	15,4	1893	75,2	24,8
1881	84,3	15,7	1894	74,0	26,0
1882	78,2	11,8	Всего за 25 лет	80,4	19,6

Несмотря на то что по абсолютным показателям число самоубийств среди мужчин было значительно больше, чем среди женщин (в Санкт-Петербурге – в 4,1 раза), тем не менее год от года происходило увеличение доли женщин, погибших от суицида, в общем количестве умерших насильственно и внезапно. Так, в Петербурге эти показатели выглядели следующим образом: среди женщин – 19,6 %, среди мужчин – 18,2 %. Сходные тенденции обнаруживаются также в Риге, Харькове и Казани. Анализируя преобладание мужчин, закончивших жизнь самоубийством, над женщинами, Э. Дюркгейм объяснял это следующим образом: «Если число женщин, покончивших с собой, гораздо меньше, чем число мужчин, то это происходит оттого, что первые гораздо меньше соприкасаются с коллективной жизнью и поэтому менее сильно чувствуют ее дурное или хорошее воздействие» [8, с. 403]. В то же время условия пореформенного развития России способствовали ускорению процессов эмансипации женщин, прежде всего из высших и средних слоев городского населения. Не случайно на протяжении 1870–1894 гг. в Петербурге доля мужчин, кончивших жизнь само-

убийством, в общем количестве суицидентов постепенно сокращалась, тогда как доля женщин имела тенденцию к увеличению.

Сравнение двух источников официальной статистики самоубийств в Санкт-Петербурге на протяжении исследуемого хронологического периода выявило наличие существенных различий. Основной причиной этого являлось крайне низкое качество моральной статистики в России, на что обращалось внимание еще в конце 1840-х гг. Так, К.С. Веселовский в своем труде указывал на неполноту и неточность официальных сведений о самоубийствах в стране: «Можно утвердительно сказать, что везде число самоубийств бывает значительно больше того, какое оказывается на основании официальных документов» [3, с. 7]. Критика официальной статистики самоубийств в стране содержалась и в книге А.В. Лихачева [13, с. 18–19]. По мнению специалиста в области судебной медицины доктора Ю. Губнера, отчеты МВД и губернских статистических комитетов учитывали всего лишь треть действительного количества самоубийств [7, с. 92].

Попытаемся прояснить чрезвычайно важный в контексте рассматриваемой темы вопрос: можно ли считать официальные сведения о самоубийствах в Санкт-Петербурге полными? Упомянутый выше К.С. Веселовский приводит следующий довольно характерный пример: «Вычислено, что в Петербурге, по сложности восьми лет, приходится по 30 самоубийств на год; между тем из рапортов петербургского обер-полицмейстера оказывается, что с 1834 по 1849 год найдено мертвых и всплывших тел 172, из которых 116 по гнилости были преданы земле без анатомического вскрытия» [3, с. 8]. К началу 1870-х гг. ситуация со статистикой насильственной смерти не претерпела изменений. Так, согласно сведениям ЦСК МВД, количество погибших от убийств и самоубийств в столице Российской империи за этот период составило 898 человек [5, с. 76].

Однако целый ряд обстоятельств порождает сомнения в полноте данного показателя. Дело в том, что ЦСК МВД сведений о количестве обнаруженных мертвых тел, по которым судебно-медицинская экспертиза не смогла дать заключений о причинах летальных исходов, за период с 1870 по 1894 г. по столице Российской империи не представил. Что касается Всеподданнейших отчетов Санкт-Петербургского градоначальника, то в них сохранилась информация о количестве обнару-

женных мертвых тел, вскрытие которых из-за их гнилости не производилось. Это отчеты за 1873–1883 гг. С 1884 г. в отчетах по судебно-медицинскому ведомству такие сведения больше не публиковались.

Еще одна особенность предопределила масштабы латентной смертности от насильственных причин в Санкт-Петербурге. Особенностью географического положения Санкт-Петербурга явилось обилие рек, каналов. Наряду с определенными положительными моментами (крупный порт, оживленное судоходство, отсутствие проблем с водоснабжением) это также создавало и ряд серьезных проблем (угроза наводнения, большая вероятность несчастных случаев на водах столицы, возможность для преступника избавиться от жертвы собственного преступного умысла, замаскировав тем самым это деяние под смерть от несчастного случая – утопления). Бесспорно, извлечение из воды тела погибшего человека не может однозначно служить свидетельством насильственной смерти. Но это также не может быть и неоспоримым свидетельством естественной смерти погибших, тела которых были выловлены в водах Петербурга. В целом за 1873–1893 гг. из столичных рек и каналов было выловлено 3 762 тела погибших, которые были отнесены к разряду «утопленников». Однако истинная причина смерти этих людей так и осталась до конца невыясненной. Согласно отчетам Санкт-Петербургского градоначальника, только за период с 1873 по 1883 г. у 797 обнаруженных мертвых тел «за гнилостью причины смерти не открыты». Не подлежит сомнению тот факт, что среди этого количества обнаруженных мертвых тел определенная часть умерла в результате насильственных действий. Поэтому официальную статистику погибших от убийств и самоубийств необходимо увеличить, по меньшей мере, в 1,5–1,6 раза.

Одной из объективных сложностей определения действительных причин смерти выловленных из вод Петербурга тел являлся уровень судебно-медицинских исследований. Так, один из специалистов в этой сфере врач П.П. Заблоцкий, разбирая характерные признаки смерти от утопления и признаки помещения в воду уже мертвого тела, в заключении пишет, «...что все прочие признаки, упоминаемые врачами и взятые отдельно, недостаточны для определения рода смерти, и что одна совокупность может приблизить к вероятному заключению» [9, с. 56]. Действительно, по-

пытки сведения счетов с жизнью посредством утопления среди жителей Петербурга не были столь уж редким явлением. В отчетах Санкт-Петербургского градоначальника с 1888 г. появляется информация о количестве покушений на самоубийство, совершенных на водах и учтенных речной полицией. Отдельно учитывается число спасенных из предпринявших попытку суицида. Согласно отчетам этого подразделения столичной полиции, ситуация развивалась следующим образом: в 1888 г. на водах столичного города было зарегистрировано 76 покушений на самоубийство, спасено 62 человека, в 1889 г. – 52 попытки и 35 человек, в 1890 г. – 83 попытки и 70 человек, в 1891 г. – 76 попыток и 69 человек, в 1892 г. – 61 попытка и 55 человек, в 1893 г. – 79 попыток и 64 человека соответственно.

Безусловно, попытки самоубийств совершались и ранее. Однако системы сбора и обработки сведений о попытках самоубийств не сложилось. В.О. Михневич, ссылаясь на сведения доктора Н.В. Пономарева, приводит следующие цифры, иллюстрирующие статистику детского суицида. Только с 1869 по 1878 г. в Петербурге 57 детей в возрасте от 8 до 16 лет были избиты в покушениях на самоубийство, в том числе 16 из них погибли в результате суицида [14, с. 541]. Как показали последующие события, в начале XX столетия российская государственность и общество столкнулись с настоящей эпидемией детских и подростковых самоубийств.

Резюмируя сказанное выше, сделаем следующие выводы. Динамика смертности населения Санкт-Петербурга от самоубийств свидетельствовала о неуклонном увеличении числа жителей крупнейшего города страны, добровольно покончивших с жизнью. Города становились все более «суицидоопасными», чем сельская местность. Распределение суицидентов в Санкт-Петербурге по полу показало традиционную картину: мужчины значительно преобладали над женщинами в общем количестве лиц, совершивших самоубийство, хотя доля женщин, совершивших самоубийство, постепенно увеличивалась в общем количестве суицидентов. Статистика насильственной смертности по Санкт-Петербургу в пореформенные десятилетия не являлась полной. Она отражала всего лишь определенную часть умерших от убийств и самоубийств, причина смерти которых была очевидной и не вызывала сомнений у судебных медиков. Не вызы-

вает сомнений тот факт, что среди указанного в отчетах количества обнаруженных в водах столицы Российской империи погибших определенная часть явилась жертвами убийств или самоубийств. В связи с тем что ни полицейская статистика, ни отчеты Санкт-Петербургского градоначальника не отличались полнотой сведений, можно предположить, что реальное число погибших от насильственных причин в действительности было значительно больше. В то же время, несмотря на расхождения

статистики самоубийств, подготовленной различными властными структурами Российской империи, общие тенденции динамики данного вида насильственной смертности среди городского населения прослеживаются отчетливо. И в этом плане статистика самоубийств, собранная столичным градоначальством, обнаруживает сходную с другими наиболее крупными городами европейской части Российской империи траекторию в динамике данного вида насильственной смерти.

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беляков С.А. О самоубийстве и несчастных случаях в психиатрических заведениях: доклад С.-Петерб. обществу психиатров в заседании 14 ноября 1892 г. / С.А. Беляков. – СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1893. – 144 с.
2. Булацель П.Ф. Исследования о самовольной смерти: исторический очерк философских воззрений и законодательств о самоубийстве / П.Ф. Булацель. – Ревель : Печ. Эстлянд. губ. правл., 1894. – 208 с.
3. Веселовский К.С. Опыты нравственной статистики России / К.С. Веселовский. – СПб. : Тип. М-ва внутр. дел, 1847. – 64 с.
4. Военно-статистический сборник. Вып. 4: Россия / под общ. ред. Н.Н. Обручева. – СПб. : Воен. тип., 1871. – 526 с.
5. Временник Центрального Статистического Комитета Министерства внутренних дел № 41 «Умершие насильственно и внезапно в Европейской России в 1888–1893 гг.» / ЦСК МВД. – СПб., 1897. – 95 с.
6. Всеподданнейшие отчеты Санкт-Петербургского градоначальника. – СПб. : Тип. С.-Петерб. градоначальства, 1873–1893.
7. Гюбнер Ю. Самоубийства в Санкт-Петербурге / Ю. Гюбнер. – СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1868. – 23 с.
8. Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд / Э. Дюркгейм ; пер. с фр. А.Н. Ильинского. – СПб. : Изд. Н.П. Карбасникова, 1912. – 541 с.
9. Заблоцкий П.П. Врачебно-полицейские и судебно-медицинские изыскания об утопленниках / П.П. Заблоцкий. – СПб., 1845. – 71 с.
10. Загорский П. Смертность в С.П.Б. за 1878 г. / П. Загорский. – СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1880–1881. – 24 с.
11. Лизин К. Самоубийство и цивилизация / К. Лизин // Дело. – 1882. – № 7. – С. 265–285.
12. Липский А.А. Самоубийство детей в С.-Петербурге / А.А. Липский. – СПб. : Паровая скоропеч. Яблонский и Перрот, 1887. – 12 с.
13. Лихачев А.В. Самоубийство в Западной Европе и Европейской России: Сравнительное статистическое исследование / А.В. Лихачев. – СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1882. – 253 с.
14. Михневич В.О. Язвы Петербурга: опыт историко-статистического исследования нравственности столичного населения / В.О. Михневич. – СПб. : Изд-во Ф.С. Сущинского, 1886. – 542 с.
15. Обзоры деятельности С-Петербургского градоначальства и столичной полиции. – СПб. : Тип. С.-Петерб. градоначальства, 1894–1896.
16. Пастернацкий И. Статистическое исследование самоубийств в Петербурге за 1870, 1871 и 1872 годы / И. Пастернацкий. – СПб. : Тип. Я. Трея, 1873. – 29 с.
17. Пушкирев И. Описание Санкт-Петербурга и уездных городов Санкт-Петербургской губернии / И. Пушкирев. – СПб. : Тип. Н. Греча, 1839. – 506 с.
18. Статистический временник Российской Империи. Сер. 2, вып. 19 / ЦСК МВД. – СПб., 1882. – 305 с.
19. Тарновский Е.Н. Статистика самоубийства / Е.Н. Тарновский // Журнал Министерства юстиции. – 1901. – № 1 (январь). – С. 145–151.
20. Тереховко Ф.К. К вопросу о самоубийстве в Петербурге за 20-летний период (1881–1900) : дис. на степ. д-ра мед. / Ф.К. Тереховко. – Гатчина : Тип. Х. Неймана, 1903. – 279 с.
21. Recherchessurle nombre des suicides etdes homicides commis en Russie pendant les annees 1819 et 1820 par Ch.-Th. Herrmann // Memoires de l'Academic imperiale des sciences de St. Petersburg. – St. Petersburg, 1832. – 6 ser., t. 1. – 20 p.

REFERENCES

1. Beljakov S.A. On suicides and casus fortuitus in psychiatric facilities. A report for Psychiatrists Society, 14th November 1892. [O samoubijstve i neschastnyh sluchajah v psichiatricheskikh zavedenijah: doklad p.-Peterb. obshhestvu psihiatrov v zasedanii 14 nojabrja 1892 g.]. Saint-Petersburg, M.M. Stasjulevicha Publ., 1893. 144 p.

2. Bulacel' P.F. Suicide research: historical essay on philosophic views and legislation on suicides. [Issledovanija o samovol'noj smerti: istoricheskij ocherk filosofskih vozzrenij i zakonodatel'stv o samoubijstve]. Revel', Jestljand. gub. pravl. Publ., 1894. 208 p.
3. Veselovskij K.S. Experience of moral statistics of Russia. [Opyty npravstvennoj statistiki Rossii]. Saint-Petersburg, MIA Publ., 1847. 64 p.
4. Military statistical collected volume. Edited by N.N. Obruchev. [Voenno-statisticheskij sbornik. Vyp. 4: Rossija / pod obshh. red. N.N. Obrucheva]. Saint-Petersburg, Military Publ., 1871. 526 p.
5. Central Statistical Committee of MIA Annals No.41, titled «Died violently and suddenly in European Russia in 1888–1893». [Vremennik Central'nogo Statisticheskogo Komiteta Ministerstva vnutrennih del № 41 «Umershie nasil'stvenno i vnezapno v Evropejskoj Rossii v 1888–1893 gg.».]. Saint-Petersburg, CSK MVD Publ., 1897. 95 p.
6. Saint-Petersburg City Administrator's Loyal Reports. [Vsepoddannejšie otchety Sankt-Peterburgskogo gradonachal'nika]. Saint-Petersburg, Saint-Petersburg City Administration Publ., 1873–1893.
7. Gjubner Ju. Suicides in Petersburg. [Samoubijstva v Sankt-Peterburge]. Saint-Petersburg, Emperial Academy of Sciences Publ., 1868. 23 p.
8. Djurkgejm Je. Suicide. Sociological Essay. [Samoubijstvo. Sociologicheskij jetjud]. Saint-Petersburg, N.P. Karbasnikova Publ., 1912. 541 p.
9. Zablockij P.P. Medical and police, forensic researches on the drowned. [Vrachebno-policejskie i sudebno-medicinskie izyskanija ob utoplennikah]. Saint-Petersburg, 1845. 71 p.
10. Zagorskij P. Death rate in Saint-Petersburg in 1878. [Smertnost' v S.P.B. za 1878 g.]. Saint-Petersburg, M.M. Stasjulevicha Publ., 1880–1881. 24 p.
11. Lizin K. [Samoubijstvo i civilizacija]. Delo – Deed, 1882, no. 7, pp. 265–285.
12. Lipskij A.A. Child Suicide in Saint-Petersburg. [Samoubijstvo detej v S.-Peterburge]. Saint-Petersburg, Parovaja skoropech. Jablonskij i Perrot Publ., 1887. 12 p.
13. Lihachev A.V. Suicide in Western Europe and European Russia: Comparative Statistical Research. [Samoubijstvo v Zapadnoj Evrope i Evropejskoj Rossii: Sravnitel'noe statisticheskoe issledovanie]. Saint-Petersburg, M.M. Stasjulevicha Publ., 1882. 253 p.
14. Mihnevich V.O. Saint-Petersburg stigmas: Experience of Historical statistical research of Metropolitan citizens' morals. [Jazvy Peterburga: opyt istoriko-statisticheskogo issledovanija npravstvennosti stolichnogo naselenija]. Saint-Petersburg, F.S. Sushhinskogo Publ., 1886. 542 p.
15. Review of Saint-Petersburg City Administration and Police activity. [Obzory dejatel'nosti S-Peterburgskogo gradonachal'stva i stolichnoj policii]. Saint-Petersburg, Saint-Petersburg City Administration Publ., 1894–1896.
16. Pasternackij I. Statistical Research of suicides in Saint-Petersburg in 1870, 1871 and 1872. [Statisticheskoe issledovanie samoubijstv v Peterburge za 1870, 1871 i 1872 gody]. Saint-Petersburg, Ja. Treja Publ., 1873. 29 p.
17. Pushkarev I. Portrait of Saint-Petersburg and district towns of Saint-Petersburg region. [Opisanie Sankt-Peterburga i uezdnyh gorodov Sankt-Peterburgskoj gubernii]. Saint-Petersburg, N. Grecha Publ., 1839. 506 p.
18. Statistical annals of Russian Empire. [Statisticheskij vremennik Rossijskoj Imperii. Ser. 2, vyp. 19]. Saint-Petersburg, 1882. 305 p.
19. Tarnovskij E.N. Suicide statistics. [Statistika samoubijstva]. Zhurnal Ministerstva justicii – Justice ministry journal, 1901, no. 1, pp. 145–151.
20. Terehovko F.K. Doctor's degree Dissertation. [K voprosu o samoubijstve v Peterburge za 20-letnij period (1881–1900) : dis. na step. d-ra med.]. Gatchina, H. Nejmana Publ., 1903. 279 p.
21. Recherchessurle nombre des suicides etdes homicides commis en Russie pendant les annees 1819 et 1820" par Ch.-Th. Herrmann. Memoires de l'Academic imperiale des sciences de St. Petersburg.- St. Petersburg, 1832. 20 p.

Сведения об авторе

Богданов Сергей Викторович – профессор кафедры истории Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор исторических наук, Белгород; e-mail: dr.bogdanov_sv@mail.ru.

About the author

Bogdanov Sergej Viktorovich – Professor of Department of History, National Research University Belgorod State University, Doctor of Historical sciences, Belgorod; e-mail: dr.bogdanov_sv@mail.ru.